

кто-то приходил, открывал мои глаза и светил фонариком, чтобы проверить, жив ли я еще. Когда я пришел в себя, то ощутил сильный зловонный запах мочи. Мое лицо, нос и волосы были пропитаны этим запахом. Очевидно, кто-то, правда, не знаю, когда, помочился мне на голову.

Пытки продолжались до полудня третьего дня. Я не знаю, где я взял силы вытерпеть. Каким-то образом мне удалось вырваться из их хватки, и я начал биться головой об стол. Я кричал имена моих двух детей (Тяньюй и Гэгэ) и пытался убить себя. Но моя попытка оказалась неудачной, и я благодарю Всемогущего Бога за это. Это Он меня спас. Я действительно ощутил, что Бог вывел меня из этого состояния и подарил мне жизнь. Мои глаза кровоточили, вероятно, из-за моих ударов головой. Я упал на землю. Внезапно три человек сели на меня. Один из них сидел прямо на моем лице. Они смеялись и говорили, что я хотел использовать свою смерть, чтобы напугать их. Они сказали, что просто видели это слишком много раз. Затем они продолжили пытать меня до ночи. Я больше ничего не мог видеть своими глазами. Но я по-прежнему мог слышать голоса своих мучителей. После ужина они собрались снова.

Один из них подошел и схватил меня за волосы: «Гао, ты голоден? Скажи, нам правду?». Я сказал: «Да, я очень голоден». «Ты хочешь есть? Говори правду!» Я ответил: «Я хочу есть».

В ответ они нанесли мне с десяток или больше ударов по лицу, и я снова упал на пол. Ботинком он придавил мою грудь, и в мой подбородок был нанесен удар электрической дубинкой. Я кричал. Затем дубинка была помещена в мой рот.

«Давай, посмотрим, чем твой рот отличается от других. Ты хочешь есть? Ты сказал, что ты хочешь есть? Ты этого заслуживаешь?». Дубинка была в моем рту, но она не была задействована. Я не знал, что они собирались делать.

Ван сказал: «Гао, ты знаешь, почему мы не хотим калечить твой рот? Сегодня твои ребята хотят послушать, как ты будешь говорить всю ночь. Мы хотим, чтобы ты рассказал ни о чем инном, как о том, какой ты бабник. Тебе не позволено говорить, что ты таковым не являешься. Тебе также не позволено говорить, что было всего несколько женщин. Не забудь ни одной детали. Ты не должен упустить ни одной детали. Наши ребята любят такое. Мы достаточно поспали и поели, пришло твое время говорить».

«Почему он не говорит? Бейте его, ребята!» - прокричал Ван. Меня начали избивать тремя электрическими дубинками. Я корчился, пытаюсь увернуться, будучи по-прежнему раздетым. После 10 минут пыток меня снова начало трясти.

Я умолял их: «У меня не было никаких интрижек. Это не потому, что я не хочу вам об этом рассказывать». Я услышал, что мой голос дрожит.

«Ты дурак? Давайте, опро-

буйте дубинки на половых органах и посмотрим, заговоришь ли ты».

Два человека вытянули мои руки и придавили их к полу. Они использовали электрические дубинки для нанесения разрядов по моим гениталиям. Я не могу подобрать слов, чтобы описать беспомощность, боль и отчаяние, которое я тогда почувствовал. На подобной стадии слова и эмоции не способны выразить тех ощущений. В конце концов, я сочинил истории, рассказав о романах, которые у меня были с четырьмя женщинами. После повторения пытки я должен был описать секс с каждой из этих

ранее видел его несколько раз. Я думаю, он был хорошим человеком. Но я не мог посмотреть на него, потому что мои глаза были по-прежнему опухшими. Все мое тело было избито до неузнаваемости. Казалось, он был рассержен из-за моего состояния. Он нашел доктора для меня. Он сказал, что был удивлен и потрясен. Он сказал: «Эта пытка не представляет коммунистическую партию».

Я спросил у него: «Кто приказал вам сделать все это?».

Он не ответил. Я попросил, чтобы меня отправили домой или хотя бы обратно в тюрьму. Он приказал купить одежды для

пяти моих бывших мучителей там не было. Но я увидел ту же группу тайной полиции, которая прежде следила за мной.

С этого момента физические пытки прекратились, но эмоциональные продолжались. Мне сказали, что начался XVII съезд компартии, и я должен ждать решения властей по моему делу.

За это время несколько чиновников посетили мою камеру. Их отношение было мягче, мне также позволили вымыть лицо и почистить зубы. Некоторые чиновники предлагали мне использовать мои литературные способности для очернения Фалуньгун, и за это я могу получить все, что захочу.

Я ответил, что это проблема не техники написания статей, а этики. «Ну, тогда, – предложили они, – если это слишком трудно, тогда пиши статьи с похвалой в адрес правительства, и снова ты сможешь иметь все, что захочешь». В конце они предложили: «Если ты будешь писать, то, что мы скажем, что с тобой обращались хорошо после тюрьмы, и что ты был одурочен Фалуньгун и Ху Цзя, дела пойдут хорошо. Иначе, как могут закончиться твои страдания? Подумай о своей жене и детях».

В обмен я написал статью, в которой говорилось, что правительство хорошо обращалось с моей семьей. Я написал открытое письмо в американский Конгресс и объяснил, что я был введен в заблуждение Фалуньгун и Ху Цзя.

Прежде чем отправить меня домой, меня перевезли в г. Сиань. Мне дали позвонить Гэн Хэ (моей жене). Во время праздника середины осени власти сказали, чтобы я позвонил своей жене и успокоил ее, потому что она протестовала и пыталась покончить с собой в результате такого обращения властей с нашей семьей. Содержание разговора было полностью составлено властями (позднее я узнал о том, что ответ моей жены был также составлен ими). Я по-прежнему не мог открыть один глаз, а поскольку разговор снимался, мне сказали, чтобы я объяснил, что это из-за раны, которую я сам себе нанес.

В середине ноября 2007 г., когда я вернулся домой, я узнал, что мой дом был снова тщательно обыскан без ордера на обыск. Во время этих более чем 50 дней пыток у меня было много странных ощущений. Например, иногда я слышал слово «смерть», а иногда – «жизнь».

На 12-13-й день моего похищения, когда я смог частично открыть свои глаза, я увидел, что мое тело находилось в ужасающем состоянии. Каждый сантиметр моей кожи был в синяках и повреждениях.

Процесс «принятия пищи» каждый день моего задержания был необычным. Когда я был на грани истощения, они показывали мне кусочек приготовленного на пару хлеба и предлагали его мне. Для того чтобы получить немного хлеба, надо было спеть одну из трех знаменитых революционных песен компартии. Моим глубочайшим желанием было жить до тех пор, пока есть

возможность. Моя смерть была бы мучительной для моих жены и детей, но в то же время я не хотел загрязнять свою душу. Однако в этой среде человеческое достоинство лишено силы. Если ты не будешь петь эти песни, ты будешь продолжать голодать, и они будут продолжать пытать тебя, поэтому я пел.

Однако когда они использовали эту же самую тактику для того, чтобы вынудить меня написать статьи, атакующие Фалуньгун, я не сделал этого. Но я пошел на компромисс, написав заявление, в котором говорилось, что правительство не похищало и не пыталось меня и они хорошо обращались с моей семьей. Я подписал этот документ.

За эти более чем 50 дней пыток было совершено гораздо больше ужасающих дел, чем я рассказал здесь. Эти злодеяния не имеют прецедентов у любого человеческого правительства. Но они дают возможность ясно увидеть, насколько далеко готовы пойти лидеры КПК в совершении своих злобных преступлений против человечности, стремясь защитить свое единовластие! Это настолько грязные и отвратительные злодеяния, что я даже не хочу упоминать об этом здесь и, возможно, никогда не расскажу об этом в будущем.

Каждый раз, когда я подвергался пыткам, мне всегда многократно угрожали, что, если я расскажу о том, что произошло со мной, меня снова будут пытать, однако мне сказали: «В следующий раз это будет происходить на глазах твоих жены и детей». Высокий сильный мужчина, который хватал меня за волосы и повторял снова и снова в те дни, когда меня пытали: «Твоя смерть предрешена, если ты поведешь об этом миру». Он говорил это много раз. Подобные жестокие, беспощадные действия неправильны. Совершавшие их люди прекрасно это осознавали.

В конце я хочу сказать несколько слов, которые не понравятся некоторым людям. Я хочу напомнить зарубежным, этим так называемым «хорошим друзьям» и «хорошим партнерам», о которых говорит КПК, что рост жестокости и равнодушия КПК в отношении китайского народа – это прямой результат вашей и нашей (собственно китайского народа) политики умиротворения.

Гао Чжишен

Написано 28 ноября 2007 г. в моем доме в Пекине, находящемся под наблюдением. Авторизовано для публикации для международного сообщества 9 февраля 2009 г.

Сторонники китайского адвоката Гао Чжишена проводят пикет у китайского консульства. По имеющимся сведениям, 4 февраля китайские власти похитили Гао после того, как он опубликовал детальный отчет о пережитых им 50 днях пыток в китайских застенках

женщин. Это продолжалось до рассвета следующего дня.

К этому моменту я был замучен настолько, что подписал описание рассказов о моих романах. «Если мы отправим это, то в течение полугода ты превратишься в вонючее собачье ***», – громко сказал Ван (после того, как я был выпущен, я узнал, что на следующей день после пытки следователь по имени Сунь Хо рассказал моей жене «правду», которую они узнали о «моих романах». Моя жена ответила, что это не их дело; она сказала: «Я все равно верю Гао»).

В течение многодневных пыток я часто терял сознание и не мог сориентироваться во времени. Я не знаю, сколько времени прошло. Группа этих людей готовилась пытать меня снова. Однако вошел другой человек и сделал им выговор. Я мог слышать, что это был заместитель директора пекинского бюро общественной безопасности. Я

меня, дал мне одеяло и еду. Он сказал, что сделает все возможное, чтобы я смог отправиться в тюрьму или домой.

После того, как он ушел, Ван начал кричать на меня: «Гао, ты уже даже мечтаешь о том, чтобы отправиться в тюрьму? Нет, это было бы слишком легко. У тебя нет никаких шансов на это, пока КПК (компартия Китая) у власти. Даже и не думай об этом».

В эту же ночь меня перевезли в другое место, но я не знаю, куда, поскольку на мою голову снова был надет черный капюшон. Меня пытали там в течение еще 10 дней. Затем в один из дней мне на голову снова надели капюшон, и я оказался в фургоне. Моя голова была зажата между моих ног, и я должен был оставаться в таком положении больше часа. Это мучение было сильнее, чем я мог вынести, и я хотел умереть.

Через час в другом месте капюшон был снят. Четверых из

За несколько дней до публикации этого письма, 4 февраля 2009 г., Гао снова был похищен китайскими властями. Его настоящее местонахождение остается неизвестным, и его снова могут подвергать жестоким пыткам.